

ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945-1953. Серия «Документы советской истории». Составители В.В.Денисов, А.В.Квашонкин, Л.Н.Малашенко, А.И.Минюк, М.Ю.Прозуменщиков, О.В.Хлевнюк. Москва, РОССПЭН, 2004. 496 с.

Вышел в свет девятый том самого известного проекта издания документов сталинской эпохи, финансируемого из фондов Европейского союза, и уже только это гарантирует к нему повышенное внимание отечественных и зарубежных исследователей. Более важным представляется другое обстоятельство, а именно обращение составителей сборника к проблеме, являющейся центральной не только для истории позднего сталинизма, но и для последующих десятилетий. Речь идет о том, как функционировал «на местах» политический механизм Советского Союза, насколько сильным было влияние региональных партийных лидеров, по какому принципу формировалась республиканская и областная номенклатура. Новая публикация вряд ли разрешит вечный спор «тоталитаристов» и «ревизионистов» о сути советской системы, но бесспорно добавит аргументов и тем, и другим.

Первый раздел сборника документов посвящен различным аспектам контроля центра за нижестоящими звеньями партийно-хозяйственного аппарата. Этим занимались Оргбюро и Секретариат ЦК, в ряде случаев (как правило, для республик, образованных в 1940 г.) создавались специальные Бюро и назначались постоянные уполномоченные ЦК ВКП(б), работавшие на местах. Общепринятой практикой было обследование регионов инструкторами ЦК, в кризисных ситуациях к ним подключались работники Прокуратуры.

Система перекрестных проверок позволяла Сталину не только накапливать компромат на свое окружение, но и выстраивать в ее среде сложную систему кадровых противовесов. Так, вопль о помощи первого секретаря компартии Азербайджана М.Д.Багирова позволил Сталину повернуть направление удара против самих проверяющих (в этом случае жертвой оказался министр государственного контроля СССР Л.З.Мехлис – см. док.46). Несмотря на сопровождавшие каждую проверку «оргвыводы», из-под внимания Москвы ускользали различные сферы общественной жизни, в них начиналось формирование горизонтальных, «клановых» структур и взаимоотношений.

Составители сборника подчеркивают, что и после войны «в значительной мере продолжали использоваться [...] преимущественно административно-репрессивные меры разрешения противоречий, возникавших в системе центр – регионы» (с.5). Центральным и по расположению в сборнике, и по значению является раздел «Чистки региональных руководителей» (док.76-134). Читатель получит дополнительную информацию как по уже известным из научной литературы делам («ленинградскому», «мингрельскому»), так и по их менее одиозным аналогам. Обращает на себя внимание то, что в списке преступлений региональной элиты

послевоенной эпохи доминируют не политические уклоны, а факты материальных хищений и морального разложения.

Особняком стоит дело руководителей Еврейской автономной области, обвиненных в пособничестве «пропаганде сионистско-националистических взглядов» (с.208). К сожалению, ему посвящен только один документ, что не позволяет вписать его в стратегию официальной борьбы с «космополитизмом». Соответствующее постановление Политбюро от 25 июня 1949 г. делало акцент на противодействии американской пропаганде. Среди каналов проникновения последней упоминались даже «факты получения гражданами материальных посылок» из США.

Двадцать документов сборника посвящены «ленинградскому делу» 1949 г. и его отголоскам в стране. Эта чистка, завершившаяся расстрелом нескольких представителей высшего руководства страны, напоминала об эпохе «большого террора». В то же время документы показывают, что ситуация в Ленинградской партийной организации была типичной для любого региона страны. Составители сборника не могут не затронуть вопрос о том, почему же Сталин не решился на распространение ленинградского опыта в масштабах всей страны. С их точки зрения советский диктатор после войны «уже не воспринимал различные проявления регионализации, неэффективность и злоупотребления местных чиновников как угрозу режиму, требующую кардинальных решений». Это было связано как с эхом победоносной войны, так и с уверенностью Сталина в личной преданности новых кадров (с.8).

Точечные репрессии послевоенных лет являлись не в последнюю очередь реакцией Сталина на складывание системы неформальных отношений (тогда их называли «шефскими») как в самой региональной элите, так и между ее представителями и московскими «шефами». Вопреки воле диктатора складывалась знакомая политологам иерархия патронов и вассалов, подбор кадров велся не по деловым качествам, а по принципу личной преданности. Чиновничья клановость подразумевала круговую поруку, взаимное покрывание грехов и упущений, в коридорах власти прогрессировала круговерть документов, блокировавшая принятие необходимых решений. За этим стояли не столько корыстные интересы, сколько выбивание ресурсов для выживания собственного региона (см. обращения местных руководителей в центр, которые опубликованы в третьем разделе сборника).

Составной частью неформальных отношений была подковерная борьба кланов между собой, где ведомственные интересы тесно переплетались с личными. Так, в руководстве компартии Армении, как отмечало Управление кадров ЦК ВКП(б), дело доходило до громких скандалов при распределении важных постов. «Одним из ярких проявлений склочности являются сложившиеся беспринципные взаимоотношения между министрами МГБ и МВД (Армении – А.В.), которые серьезно влияют на работу этих министерств и наносят вред государственным интересам»

(с.77). Однако в условиях тотальной закрытости правящей верхушки от общества Сталин не мог найти эффективных механизмов борьбы с подобными явлениями.

Публикуемые документы дают возможность выделить внутреннюю динамику периода 1945-1953 гг. Сразу же после окончания войны, особенно в областях, подвергшихся оккупации, шла серьезная перетасовка кадров. Проверялись участники подполья, возвращались из эвакуации старые руководители. Сказывался и приток в номенклатуру демобилизованных офицеров, прежде всего политработников, далеко не все из которых были способны интегрироваться в мирную жизнь. Вот данные Оргбюро по Украине на июнь 1946 г. – «из 19 000 основных руководящих работников за последние полтора года сменилось 9 620 человек, или 50,7%, причем 62% сменных руководящих работников занимали последнюю должность менее года» (с.49).

На рубеже 50-х гг. номенклатурная система приобретает закрытость и стабильность, формируются основы той «чиновничьей карусели», которая не давала проштрафившемуся управленцу выпасть из обоймы руководящих должностей. Популярным методом освобождения региональных руководителей от неудобных кадров становится их отправка на учебу в Москву. Движение в обратном направлении - отправка работников аппарата ЦК на самостоятельные посты в области и национальные образования – теряет характер почетной ссылки и становится важным трамплином для дальнейшей карьеры.

Еще один аспект функционирования номенклатурной системы, не обойденный вниманием составителями сборника – материальное обеспечение ее субъектов (док.62-75). В этой сфере многое было результатом изобретательности «низов», проявлявших удивительную для сталинской системы инициативу. Так, практика премирования партийных работников из средств министерств и предприятий являла собой наглядный пример сращивания различных ветвей номенклатуры на местах (док.65). Центр неустанно бичевал «разложение и мелкобуржуазное перерождение, проявляющееся в строительстве личных особняков за счет государства, в разбазаривании государственного имущества и средств, в поборничестве в колхозах» (с.77), хотя и не мог ничего противопоставить массовой тяге чиновников к личному обогащению. Удивительно, но многие из подобных обвинений звучат весьма современно, позволяя поставить вопрос о параллелях в образе жизни и деятельности сталинской номенклатуры и современной российской политической элиты.

Беспорным достоинством публикации являются развернутые комментарии к документам, которые в ряде случаев можно рассматривать как самостоятельный источник. Такова, к примеру, справка Генерального прокурора СССР о результатах проверки правильности осуждения председателей колхозов Смоленской области (с.65-68). Она дает наглядное представление о масштабах административного «нажима» на местах, о полном бесправии тех, кто выращивал и сдавал государству хлеб. Читателю следует обратить внимание и на биографические справки в приложении к книге (с.406-466). Составленные на основе «номенклатурной»

описи бывшего архива ЦК КПСС, они дают информацию не только о региональных лидерах, но и местных чиновниках второго эшелона.

Далеко не все из представленных в сборнике документов равноценны, не всегда понятны критерии их отбора и помещения в тот или иной раздел. Составителям можно было бы не утруждать читателя, например, многостраничным списком отделов промышленности и транспорта, создаваемых на местах (с.26-34), учебными планами партийных вузов (с.136-139) или однотипными кадровыми назначениями. Во введении упоминается, что в номенклатуру ЦК КПСС к моменту смерти Сталина входило более 45 тыс. должностей. Хотелось бы больше узнать о том, как распределялись по ведомствам и отраслям экономики эти должности, сколько их было на каждом этаже номенклатурной иерархии от первого секретаря обкома ВКП(б) до райкомовского инструктора.

И все же выход очередного тома серии «Документы советской истории» стал заметным событием для ученых, занимающихся проблемами сталинизма. Несмотря на отсутствие «громких» документов и политических сенсаций, рецензируемая книга представляет собой тематическое собрание источников, продуманно подобранных и снабженных достаточным комментарием. Даже если они и не дадут исследователям нового поколения готовых ответов на поставленные во введении вопросы, то как минимум помогут их знакомству со сложным и запутанным миром сталинской номенклатуры.

А.Ю.Ватлин